

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ПОЭЗИИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Л. Гринберг, М. К. Лукошкин,
С. С. Наровчатов, Л. Н. Новиченко,
В. О. Перцов

КУБАНЫЧБЕК МАЛИКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод с киргизского

Москва
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1975

C (Kupr) 2

M 19

M $\frac{70403-259}{028 (01) - 75}$ 136-75

О СЕБЕ

Писать о себе не просто, ибо биография поэта — это прежде всего рассказ о времени, о земле, где он родился, вырос и живет, о среде, в которой он сформировался как человек и как творческая личность.

Родился я в предгорном киргизском кочевье Уч-Эмчек неподалеку от города Пишпека (ныне г. Фрунзе) в 1911 году в семье бедняка.

В начале 1917 года, когда мне было шесть лет, в наших краях разразился страшный голод, вызванный засухой. В результате засухи и жестокой расправы, учиненной царскими жандармами над участниками национально-освободительного восстания 1916 года, беднота была разорена и

не смогла убрать скудный урожай. Это поставило ее в еще большую зависимость от кучки богатеев.»

По совету брата отца Найманбая Боронбаева наша семья перекочевала из Уч-Эмчека в Кок-Джар, поближе к городу. Бедному человеку вблизи города было легче прокормиться. Мы косили клевер и возили его на продажу в город. Вырученных денег едва хватало, чтобы купить немного хлеба и чаю, но это позволило нам выжить. Помогали нам и русские крестьяне, с которыми отец был дружен еще в Уч-Эмчеке.

Советская власть была установлена в Пишпек-ке только в 1918 году. Однако в аилах и кыштаках все еще хозяйничали баи и маналы. Вместе с белогвардейцами и кулаками они оказывали Советской власти бешеное сопротивление.

Осенью 1919 года отца призвали в Красную Армию. Служил он где-то в районе Алма-Аты. Их воинскую часть готовили для борьбы с белогвардейскими бандами атамана Дутова. Но в боях отцу принять участие не довелось. Дутов был разгромлен, и весной 1920 года отец вернулся домой. С большой теплотой рассказывал он о службе

в Красной Армии, о воинском порядке, об отношении командиров к бойцам.

Жили мы все еще очень бедно. Отец был хорошим бахчеводом и огородником, и это нас выручало. Он выращивал дыни, арбузы, лук, морковь, разносил их по юртам зажиточных людей, получая за это в качестве благодарности пшеницу или ячмень.

В 1924 году мы перебрались еще ближе к городу — в село Текельдеш. Здесь я начал учиться в школе, под которую была приспособлена бывшая кулацкая заимка. Моим первым учителем был Кадыке Аманбаев. При школе был фруктовый сад. Отец выпросил у учителя несколько саженцев, и вскоре на нашем небольшом дворе буйно зацвели яблони, вишни, урюк.

Мой отец одним из первых в аиле вступил в колхоз. Жить постепенно становилось легче, да и я мог уже материально помогать семье, так как с 1927 года начал подрабатывать корректором и переписчиком в первой киргизской газете «Эркин-Тоо» («Свободные горы»).

К поэзии я приобщился очень рано. Это не мудрено, — у киргизов древние и богатые устные

поэтические традиции. Так, например, из поколения в поколение передавались исполняемые ырчы (певцами-импровизаторами) сказания и песни, сопровождаемые игрой на комузе. Огромной любовью и популярностью в народе пользовались сказители «Манаса» — киргизского народного эпоса, насчитывающего несколько сотен тысяч стихотворных строк.

Отец мой по тем временам считался грамотным человеком. Он читал казахские поэмы «Кыз-Жибек» и «Эр-Таргын», изданные еще до революции на арабском языке. Мать была неплохой исполнительницей кошоков (похоронных плачей), причем, я убежден, пела не только заученное, но кое-что могла прибавить и от себя.

Мой дядя по материнской линии — Саргалдай — отличался редким красноречием. Его речь была насыщена рифмованными пословицами и поговорками. Он всегда был окружен любознательными людьми, его цитировали, ему подражали. Пословицами и поговорками дяди Саргалдая часто пользовался и мой отец. Пусть не прямо, но косвенно, через отца дядя Саргалдай оказал влия-

ние и на мою любовь к меткому образному народному слову.

Неподалеку от моей родины — Уч-Эмчека — находился аил Айкор, население которого принадлежало к большому киргизскому племени Култуу-Чылпак. Каждый житель Айкора — будь то мужчина или женщина — умел прекрасно петь и играть на комузе. Не случайно все лучшие певцы-импровизаторы Чуйской долины являлись выходцами из этого аила.

Там же родился известный киргизский ырчы Осмонкул Болебалаев, впоследствии — народный артист Киргизской ССР, кавалер ордена Ленина и двух орденов Трудового Красного Знамени.

Осмонкула помню с раннего детства. Он, как никто другой, взрастил мою любовь к стихам и песням. Помню, как, по древнему обычаю, в мусульманский праздник рамазан ездил Осмонкул после заката солнца по аилу, исполняя песни в честь провожающих рамазан аильчан. Не однажды подъезжал он и к нашей юрте, восхваляя отца за трудолюбие, честность, сердечность и доброту. С замиранием сердца слушал я его песни, а когда он уезжал, бежал за ним следом к другим юртам,

чтобы еще и еще раз послушать любимого певца.

7 ноября 1924 года вышел первый номер киргизской национальной газеты «Эркин-Тоо». С этим знаменательным событием связано рождение киргизской письменной литературы. В газете была опубликована подборка стихотворений молодых киргизских поэтов. Для всех нас это была ни с чем не сравнимая радость: ведь до этого мы могли читать стихи лишь в доходивших до нас казахских, татарских и узбекских газетах и журналах.

Вслед за газетой появились и первые сборники стихов на киргизском языке. Большой популярностью пользовались тогда поэма Абылкасыма Жутакаева «Плач о Ленине», поэма классика киргизской литературы Тоголока Молдо «Насият» («Завещание»). Были также опубликованы отрывки из «Семетея», записанные со слов одного из выдающихся сказителей «Манаса» Тыныбека Жаппиева, и лирическая поэма «Секетбай» талантливого лирика-импровизатора Боогачы Жакыпбекова. Книжки эти стали воистину настольными для всех грамотных киргизов. Многие, в том числе и я, знали их наизусть. Кажется, впервые тогда

ощутил я в себе стремление написать стихи, стремление, которое определило мою последующую жизнь.

В 1925 году, по окончании начальной школы, я поступил учиться в 6-ю татарскую школу Пишпека. Учителями в ней были не только татары, но и киргизы — в основном учащиеся старших курсов Киргизского подтехникума (тогда Киргизского института народного просвещения). Хорошо помню одного из них — Осмоналы Мамырканова, преподававшего нам киргизский язык. Он активно сотрудничал в газете «Эркин-Тоо», публиковал в ней небольшие корреспонденции о жизни учащихся, о недостатках в постановке обучения. Таких недостатков было немало и в моем аиле — вот я и решил написать о них в газету.

Так родилась первая в моей жизни корреспонденция, озаглавленная «Отремонтировать бы нашу школу...». Однако я долго не решался отнести ее в редакцию, стеснялся: на мне были стоптанные валенки, потертая лисья шапка, старая-престарая шуба. Наконец все-таки осмелился и пошел в редакцию. Я дождался обеденного перерыва и, увидев, что сотрудники редакции ушли на обед и

комнаты пусты, быстро зашел в одну из них, положил рукопись на стол и убежал. Было это в феврале 1926 года.

У меня, конечно, не было и капли надежды, что корреспонденцию мою напечатают. Тем большей была моя радость, когда через несколько дней я увидел в газете свое «творение» и свою фамилию под ней.

С тех пор я стал систематически писать корреспонденции и заметки и носить их в редакцию. Но заходить в комнаты, когда там находился кто-либо из сотрудников редакции, по-прежнему не решался. Заходил лишь тогда, когда в комнатах никого не было. Странно, что газета публиковала мои писания. Ведь ни один из ее сотрудников ни разу не видел меня в глаза.

Так продолжалось до наступления лета, когда я смог наконец сбросить с себя старую шубу и облезлую шапку. Я пришел в редакцию в довольно сносном костюме, правда босым, заглянул в комнату, где чаще всего оставлял свои корреспонденции, и тут меня заметил сидящий за угловым столом человек. Деваться было некуда: пришлось

войти. Человеком этим был опытный журналист, заведующий отделом Джумадил Тулекабылов.

Видя мое смущение, он поздоровался со мной за руку и, мягко улыбаясь, сказал:

— Оказывается, это ты — К. Маликов. А мы думали, что ты солидный, бородатый мужчина. Сколько же тебе лет, мальчик?

— Пятнадцать, — сгорая от смущения, ответил я.

Джумадил попросил меня немного подождать и ушел в другую комнату. Вернувшись, он пригласил туда и меня.

Нас принял первый редактор газеты «Эркин-Тоо» Осмонкул Алиев. После недолгой беседы он сказал:

— Ты самый юный наш селькор. Хотим рекомендовать тебя на учебу в Киргизский институт просвещения. Пойдешь?

Так [с осени 1926 года я стал студентом Киргизского института просвещения, вскоре реорганизованного в подтехникум.]

Надо сказать, что контингент тогдашних «абитуриентов» состоял в основном из малограмотных аильных парней и девушек. Поэтому при подтех-

никуме были созданы подготовительные классы: младший, средний и старший. Окончивших подготовительные классы зачисляли на первый курс. Меня определили в средний подготовительный класс.

Подтехникум был в то время чуть ли не единственным культурным центром в республике. Ведь в Киргизии тогда еще не было ни национального театра, ни какого-либо другого вида профессионального искусства. Студенты техникума ставили самодеятельные спектакли, которые охотно посещали не только представители интеллигенции, но и руководящие работники тогдашней автономной области со своими семьями. Здесь, в техникуме, я впервые в жизни услышал слова: художественная литература, поэзия, драма. Здесь познакомился и подружился с известными в будущем поэтами Мукаем Элебаевым, Джумой Джамгырчиевым, Жоомартом Боконбаевым.

Многие ребята из нашего класса по вечерам тайком писали стихи. Некоторые из них уже публиковались в газетах «Эркин-Тоо», которая с осени 1927 года стала называться «Кызыл Кыргызстан» («Красный Киргизстан»), и «Ленинчил

джаш» («Ленинская молодежь»). Начал писать стихи и я.

Русский язык (до этого я его не знал совершенно) нам преподавал первый директор техникума Петр Кузьмич Юдахин — старший брат Константина Кузьмича Юдахина, ставшего впоследствии академиком Академии наук Киргизской ССР, профессором Киргизского университета, лауреатом Государственной премии СССР, которой он был удостоен как автор «Толкового киргизско-русского словаря».

Петр Кузьмич Юдахин был горячим патриотом Киргизии, требовательным педагогом-воспитателем, добрым, душевным человеком. Мы все любили и уважали его, как родного отца.

В техникуме выходила стенная газета «Темне канат» («Новорожденец») и рукописный журнал «Балапан» («Цыпленок»). В них мы помещали первые наши стихи и даже рецензии на них.

Весной 1928 года в газете «Кызыл Кыргызстан» было опубликовано мое стихотворение «Весенняя степь».

Тогда же нам начал преподавать русскую литературу Иван Григорьевич Хоролец. Именно он

открыл мне необозримый океан русской поэзии, ввел меня, киргизского аильного паренька, в мир поэтических образов Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Блока, Маяковского, раскрыл смысл и назначение поэзии, выразив его в давно уже ставших хрестоматийными строках:

*Я всю свою звонкую силу поэта
Тебе отдаю, атакующий класс!*

Учеба в подтехникуме была для меня, да и не только для меня, своеобразной академией знаний и большой жизненной школой. Эту школу прошли не только большинство ветеранов киргизской литературы, но и многие известные ныне киргизские художники, композиторы, артисты, государственные деятели. Ведь в те годы человек со средним образованием был среди киргизов счастливым исключением.

Своей первой и по-настоящему серьезной литературной школой я бы назвал созданный осенью 1928 года в техникуме литературный кружок «Кызыл учкун» («Красная искра»), инициатором создания которого явилась газета «Кызыл Кыргызстан». На заседаниях кружка делались доклады о

литературе, о писательском мастерстве, обсуждались наши стихи и рассказы.

Первой моей книгой, как это ни странно, была пьеса «Тендик курбаны» («Жертва просвещения»), вышедшая в 1931 году. Первый сборник стихов был издан в 1933 году.

Огромную роль в становлении моем как поэта и драматурга сыграл тот факт, что с 30-х годов я уже смог в оригинале, а не только в переводах, читать классиков русской литературы.

В Москве моя первая книжка «Весна Тянь-Шаня» вышла в 1950 году. В последующие годы в московских издательствах увидели свет еще несколько моих стихотворных сборников. Так мои стихи обрели вторую жизнь теперь уже на великом и могучем русском языке.

Мне посчастливилось видеть зарождение киргизской письменной литературы, стоять у ее истоков. И всегда живительным источником творчества была для меня жизнь родного народа. В нашей повседневной действительности, в труде моих сограждан, в расцвете человеческих сил, способностей, талантов видел и вижу я не-

*одолимое шествие той весны, которую пою и
славлю.*

Иду навстречу ленинской весне
С мечтой о счастье, братстве и о мире.
Я — человек!
И все подвластно мне,
И с каждым днем
Мой шаг победный шире.

Кубанычбек Маликов

* * *

*Презираю слова,
Что елебно и сладко журчат.
Уважаю слова,
Что острее штыка и меча.*

*Презираю цветы,
Что в уютных теплицах растут.
Уважаю цветы,
Что на каменных кручах цветут.*

*Презираю уста,
Издающие нудную брань.
Уважаю уста,
Воздающие подвигу дань.*

*Презираю людей,
Чьи колени сгибает беда.
Уважаю людей,
Что людьми остаются всегда.*

СТИХОТВОРЕНИЯ

ДОРОГА НА ПАМИР

Взгляни наверх:
Широкая, прямая,
Она бежит
К седым вершинам мира
И слышит —
Говорит земля Алая:
«Беги до неприступного Памира!»

Как сказочный скакун,
Покорный, добрый,
Глядит на путь широкий
Ала-Тоо,
А белый круп,

Сияющие ребра
Коснулись звезд
Сиянья золотого.

Склонились горы с древней белизной
Перед неслыханною новизной!

Далеко от Памира до Алая,
Но камни их
Навек соединила
Твоя благословенная,
Родная
Россия —
Вдохновляющая сила.

Как в сердце скал,
Утесов и проходов
Вошли рабочие и инженеры,
Так в сердце благодарного народа
Вошла Москва —
Источник светлой веры.

Летят машины, споря с крутизной,
Неслыханной сияя новизной!

Земля внизу
Трудилась и боролась, —
Сюда,
На эти снежные оплечья,
Не проникал боренья громкий голос,
Не проникало эхо человечье. . .

Гони, мой друг,
Проворную машинну.
Ну, кто быстрее домчится до Памира?
Хочу, мой друг,
Взобраться на вершину
Труда,
И вдохновения,
И мира!

Эй, скалы, расступитесь пред весной,
Перед неслыханною новизной!

П И С Ь М О В А И Л

Привык я слушать пенье соловьев,
Спокойный плеск заоблачных озер,
Журчанье горных речек и ручьев
И тихий лебединый разговор.

Бывало, на поляне, над рекой,
Под мерный шелест лебединых крыл
Казалось мне, что всей земли покой
Со мною безмятежно говорил.

Теперь не так!
Я вижу Ленинград.
Великий город Ленина — в огне.
Замолкли птицы. Пули говорят
О смерти, о войне.

В растерзанных пожарами ночах
Я слышу грохот пушечный вдали.
На ленинградских взорванных полях
Сейчас решается судьба земли.

Родной аил! Тебе издалека,
Сквозь пламя, песню шлю я в эти дни...
Я понял: жизнь — и горная река,
И соловей, и жадные огни!

И если хочешь ты, чтоб вновь тебе
О счастье пел в долинах соловей, —
Отдай тогда победам и борьбе
Богатства все, всю мощь души своей!

Лишь пушки могут погасить огнем
Фашистских пушек смертные огни...
Пора, смельчак, расправиться с врагом:
Свали его и в сердце штык воткни!

Народ колхозный!
Благодатный жир
Руками выжми из земли своей.
В душе расти бесстрашие, батыр,
В горах расти пшеницу и коней!

Март 1942, Ленинград

РОССИЯ

Россия! Величье и гордость тая,
Широко земля распростерлась твоя.
Возможно ль измерить и взором окинуть
Твои уходящие в дали края?
Ты наша судьба! И про славу твою
Я песню тебе не впервые пою.

Россия! Похожа на сказку-мечту,
Зимою и летом ты вечно в цвету,
Густые леса и глубокие реки
Всегда воспевают твою красоту,
Твой славный народ — на земле золотой...
Тебя ль не любить, не гордиться тобой!

Бывало, вставали туманы кругом,
Тебя потрясал оглушительный гром,
И вновь заливало тебя, словно море,
Но ты не склонялась главой пред врагом.
Народ твой на битву бросался, как лев,
Ты вновь расцветала, врагов одолев.

Россия! Народом своим ты горда,
Его величаяя воля тверда,
Но бьется в груди его доброе сердце,
Друзьям он на помощь приходит всегда,
Свободой своею и счастьем своим
Он делится щедро с народом моим.

Россия! Мы все, как родные сыны
Отца одного и единой страны!
Тебя защищая, с тобою, Россия,
Мы кровь проливали в години войны.
Мы вместе с тобою ходили на бой,
И радость и горе мы делим с тобой.

О Черное море, вздымайся волной,
О Волга, великую душу раскрой,
О Днепр горделивый, вздымайся и пенься!

Россия, вернула ты счастье земли,
Хранишь ты грядущего ключ золотой. . .
О песнь моя, славу России воспой!

1945

КОСТЕР ДРУЖБЫ

*Друзьям-поэтам,
побывавшим в Киргизии*

- Огня! Огня!
- Зажжем костер покруче!
- Крест-накрест сучья!
- Поджигайте кучу!
- Тащи сюда еловый бурелом!

Пусть бьется в небо наш костер могучий
Своим орлиным, огненным крылом!
Влюбленные в ночную силу света,
Сидят в кругу друзья мои, поэты,
Приехавшие встретить ночь Тянь-Шаня
И проводить кочующее лето.

Со мной — москвич, ташкентец, киевлянин,
Друзья из Риги, Вильнюса, Казани...
Любуемся летающим огнем,
Встречаемся веселыми глазами
И тихо песню о Москве поем;
Мы здесь, в горах, ее сложили сами
Под музыку сбегающих ручьев
Из самых чистых, самых звонких слов.

— Огонь в горах. Какое море света! —
Я слышу вздох Миколы Шеремета,
И друг мой Вацис говорит в ответ:
— В таком краю не остывает лето —
Здесь каждый стебель дружбою согрет!

А Мирмухсин привстал, раскинул руки
И, постояв, улавливая звуки
Притихшей песни, вдруг пустился в пляс
Перед костром, кружась и приседая,
Золой и ветром обдавая нас.

Костер дымит, но вспыхивает редко.
Сарыг-оол сидит с рогатой веткой,
Поддерживая медленный огонь.

Он соплеменник мой, и наших предков
Носил в горах один, быть может, конь.

Леса и горы холодомдохнули,
Доносит ветер тонкий крик косули.
Приметы гор проверены давно:
Ночь глубока, в аиле все уснули...
Одним поэтам спать не суждено...

1954

СЕРЕБРИСТЫЙ ТОПОЛЬ

Я приехал в Ак-Су, в Иссык-Куль... Золотая.
Плодоносная осень, родная земля...
Серебрятся приветливые тополя,
И колышутся ветви, плодами блистая.
Упирается тополь один в небосвод.
На листву его путники смотрят с волненьем.
В этом тополе правда киргизов живет,
Он мне кажется нашей судьбы отраженьем.

Дуновение ласкового ветерка —
И огромные яблоки падают гулко.
Мы пойдем — не окончилась наша прогулка.

Посмотри: здесь работают два старика.
Первый — древен годами, другой — помоложе,
Оба знают, как видно, деревьев язык.
Друг на друга они чем-то очень похожи,
Это русский старик и киргизский старик.

Опираясь на палку, прямой и высокий,
Первый зорко глядит. Бородой он оброс,
Только больше в ней рыжих, чем белых, волос,
И пылают, как яблоки, свежие щеки.
Голубые глаза его смотрят вперед,
Он стоит, словно прошлое нашей России.
А усы его, длинные, полуседые,
Точно крылья орла, что пустился в полет.

— Петр, хорошее яблоко выросло снизу.
Что ты скажешь, отец мой? Давай-ка сорвем!
— Оба вы старики, — говорю я киргизу, —
Почему ж ты Петра называешь отцом? —
Но киргиз, на меня рассердясь, удалился,
Только крикнул: «Он сам тебе скажет, сынок!»
Разве старость для старца — обида, порок?
Почему же киргиз на меня рассердился?

— Эй, терпения ты наберись, Алмабек! —
Петр киргизу сказал. — Ну, начну по порядку,
Алмабек — он совсем молодой человек,
Приближается только к седьмому десятку.
Гнули годы его и нужда, как траву,
От болезней он стал преждевременно старым,
Я же ровно столетье на свете живу,
И меня он отцом называет недаром.

Мой отец посадил, как приехал сюда,
Первый саженец — будущей радости вестник.
В ту весну я родился. Промчались года —
Тополь вместе со мной поседел, мой ровесник.
Он, как я, серебрится в колхозном саду,
Подтвердить он слова мои верные может:
Он родился на свет в том же самом году,
Целый век с этим тополем рядышком прожит.
И надежду одну мы питаем вдвоем:
Что немало еще на земле проживем!

Алмабек подошел, гнев сменяя на милость:
— Ты послушай Петра: знает наши места!
Голова поседела его неспроста:
Крупным снегом Тянь-Шаня она серебрилась.

Видишь ты белогривую воду реки?
Видишь эти леса, и сады, и ущелья?
Говоришь: «Сколько здесь красоты и
веселья!» —

Но спроси, и расскажут тебе старики:

Жили в юртах киргизы зимою и летом
И от русских узнали, что сладки плоды.
Взяли саженцы и посадили сады,
И пленила их яблоня радостным цветом.
Ничего не скажу: и айран и кумыс
Хороши, да не в них-то всей жизни приправа. . .

— Петр, отец мой, рассказ продолжай, не
ленись,
Ну, а я не умею рассказывать, право.

— Что же, — Петр улыбнулся, — закончу
рассказ,
Хоть и я не умею рассказывать гладко. !
Опрокину с кумысом бурдюк без остатка, —
Есть такая пословица, парень, у нас.
Знай: с отцом Алмабека сдружился я с
детства.

Вместе с ним по ночам лошадей мы пасли,
Спали рядом. Казалось нам: прелесть земли —
Это наше богатство и наше наследство.

Было время — стреляли мы горных козлов,
Мы в лесу вместе с ним наслаждались
клубникой...

Это время нужды и невзгоды великой,
Но и время борьбы и рожденья борцов.

Вместе с ним лошадей мы на скачки пускали,
С лошадей наших вместе стирали мы пот,
И гоняли на летние пастбища скот,
И делили мы хлеб, и делили печали.

Вместе мы перешли не один перевал,
Словно братья, на трудных путях стали близки.
Руку помощи русский джигит подавал,
Подавал ему руку и парень киргизский.

Были рядом сердца, были рядом шаги...
Видишь, тополь блестит серебристым нарядом?
Он запомнил, когда поселились мы рядом
И устроили рядом свои очаги.

Друг женился, жена родила мальчугана...
На почетнейшем месте я в юрте сидел
(Тот киргизу приятен, кто честен и смел).
Угостили меня головою барана¹.
Возле юрты белел первый яблони цвет:
Посадил ее друг мой руками своими.
Взял я на руки мальчика, дал ему имя.
«Ты в нелегкое время родился на свет,
Будь хозяином яблока, будь Алмабеком,
Только прежде всего будь, малыш, человеком!»

Старый Петр улыбнулся, закончив рассказ.
Алмабек мне сказал: — Вот послушал ты нас,
И теперь хоть и молод, но понял ты, видно,
Почему было слово твое мне обидно,
Почему я отцом называю Петра.
Дело было давно, а сдается — вчера...

Вижу двух стариков, вижу веток сплетенье,
Вижу золото наших колхозных полей.
Иссык-Куль, Иссык-Куль, молодое цветенье,

¹ По киргизскому обычаю, почетному гостю во время обеда, пиршества подается особо приготовленная баранья голова.

Зрелость ярких плодов, серебро тополей!
Нашей дружбой с Россией, великой и чистой,
Край родной окрылен, человек вдохновлен...
Мой привет тебе, тополь, седой, серебристый,
Мой сердечный привет и сыновний поклон!

1955

А Р Ч А

Если бросишь ветку в огонь,
То уж после ее не тронь,
Обожжет тебя сгоряча
Разгоревшаяся арча.

В зимний холод и летний зной
Одинаково зелена,
Пахнет елкою и сосной
И весенним ветром она.

Не гнетет ее и не гнет
Тяжесть снежного серебра,
Сколько лет на свете живет,
Про нее не скажешь: стара.

В землю корни ее ушли,
С ней сроднились там, в глубине.
О поэзия, дочь земли,
Ты такой же кажешься мне.

Даже в пору бед и невзгод,
Скорбно в наших песнях звуча,
Обновлялась ты каждый год,
Как зеленая та арча.

Свежих сил набиралась ты
И впитала солнца лучи.
Ты полна живой красоты,
Словно ветка горной арчи.

1955

Я ПОЮ О ТЕБЕ, ИССЫК-КУЛЬ

Нет печали в тебе, весел шепот волны,
Горы, встав вокруг тебя, достигают луны.
Ты не плещешь волной, ты поешь, Иссык-Куль,
На твоих берегах молодежь, Иссык-Куль.
С нею ты заодно вторишь песне любой,
И кудрявые волны бегут вперебой.

Ты отечество наше, отчизна отцов,
Сколько ты вдохновило акынов-певцов.
Чтоб отчизны достойно прославить дела,
Надо книгу создать, чтобы с гору была,
Но пред мощью страны и народной душой
Книга будет казаться тебе небольшой.

Все богатство души в эти песни вложи.
Нет в тебе вдохновенья, тогда не пиши!

Иссык-Куль, передай нам волнение свое,
Всю свою глубину, озаренье свое.
Пусть без муторной праздности, без суеты
Будет счастье людское безбрежно, как ты,
И, как музыка волн в час взошедшей луны,
Будут дни наши светлым звучаньем полны.

1956

Л И Р И К А

Не за бумагой и столом —
Я лириком в то время стал,
Когда взрывчаткой и кайлом
В горах дорогу пробивал.

Пусть о влюбленных день и ночь
Поэты-лирики поют,
А для меня в любом труде
Любовь и лирика живут.

Живи же, лирика моя,
Не угасай, не умирай
И вечным пламенем своим
Сердца и души согревай.

1957

КИРГИЗСТАН

Сквозь пургу и жестокий мороз,
Сквозь дожди и промозглый туман
Я тебя в своем сердце пронес,
Отчий край мой, родной Киргизстан,
Как мелодией «Тысячи грез»,
Я наполнен тобой, Киргизстан!

Киргизстан, моя жизнь и судьба,
Что бы случилось со мной без тебя?
Не пылали бы солнца лучи,
Не светила б луна мне в ночи,
На ветру б не шумела трава,
И души не имели б слова.

Киргизстан — это песня моя,
Это все, чем к земле я прирос.
Киргизстан — это сила моя,
Что крепка, как гранитный утес.
Киргизстан — это крылья орла,
Что Отчизна поэту дала.

Киргизстан, ты мой прадед седой,
Устоявший в беде, как батыр.
Киргизстан, ты мой внук молодой,
Открывающий заново мир.
Я — один из твоих сыновей, —
Разве может быть счастье сильней!

1957

ЛЕГЕНДА О ЛЕНИНЕ

Легенду эту я запомнил с детства —
В ней быль и сказка, как мечты, слились,
И с нею навсегда унес я в сердце
Уверенность, что наш Ильич — киргиз.

И кто бы, как не свой, для скотовода
Плуги, пшеницу и волов прислал?
Не зная нужд киргизского народа —
Его в долины вывел с мертвых скал?

Он сам не раз бывал у нас, конечно,
И на своем пути в родной аил
Со стариками долго и сердечно
Об их делах житейских говорил.

Позднее по просторам Казахстана
Я проезжал — и там, в глухих степях,
Мне было удивительно и странно
О Ленине узнать, что он — казах.

Но привыкать я начал постепенно
К тому, что мудрый русский человек
В Туркмении — понятно, сын туркмена,
В Узбекистане — коренной узбек.

Вьетнамец он, должно быть, во Вьетнаме,
А в Индии — индус, и всем родня,
В чьем сердце, разгораясь, пышет пламя
Борьбы за счастье завтрашнего дня.

Приди в кыштак, в аил, в село, в столицу,
Послушай то, что говорит народ, —
Везде идеи Ленина частица,
Повсюду Ленин, как земляк, живет.

1957

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Я крепко сдружился с зеленой травой,
Привык умываться водой ключевой,
Меня пробуждал, на заре освежив,
Прохладного ветра веселый призыв.
Мой крик, и рыданье, и песни начало
Впервые родная земля услышала.

Как дорого слово прекрасное: мать, --
В нем землю родную мы можем узнать.
На этой земле мне дышалось легко,
Я здесь материнское пил молоко,
На этой земле для борьбы я воспитан,
Я солью пропитан, я болью испытан.

Какое высокое слово: отец, —
В нем землю родную услышит боец.
Отчизна, меня посадив на коня,
За правду сражаться учила меня,
Меня закаляла, чтоб стал я булатом,
Чтоб другу был другом, а брату был
братом.

Я в детстве по скалам взбирался до звезд,
Птенцов доставал из неведомых гнезд,
Изранил колючками ноги свои. . .
О, где вы, забавы, тревоги мои?
Родная земля, — горы, бурные воды,
Остались у вас мои детские годы.

Земля моя, с птицами, с шумной листвой!
Когда я вдыхаю твой запах живой,
Мне кажется, юрты отцовской дымок
Мне ласково шепчет: «Сынок мой, сынок. . .»
От этого запаха, с детства родного,
Мальчишкой беспечным я делаюсь снова.

В те дни, когда я по тебе босиком,
Земля моя милая, бегал бегом,
Места выбирал, где погуще трава,

Возил на теленке-двухлетке дрова, —
В душе моей сила твоя пробудилась,
И кровь твоя в сердце моем заструилась.

О, ты для меня богатела, цвела,
Лаская, меня верблюжонком звала!
Кормила меня, одевала в чапан,
Чтоб стужу я вынес, чтоб вынес буран,
Меня одарила чудесным цветеньем,
И первой любовью, и первым смятеньем.

Тот край не забыть никогда, никогда,
Где вылетел ты из родного гнезда,
Где силою стали усилья твои,
Где гордо расправились крылья твои, —
Тот край, навсегда, навсегда тебе близкий,
Тот край, что зовется землею киргизской.

ЛЮБОВЬ

Одним любовь — как божий дар,
Другим — как шутка для хмельного,
Для одного она — удар,
Ночь приключений — для другого.

Одним — весенняя пора,
Другим — пугающая крайность,
Иным — картежная игра,
Где выигрыш — всегда случайность.

Один любовь дает, стыдясь,
Другой глушит ее со злости,
Иные люди, расфрантясь,
К любви идут беспечно в гости.

Одни считают пустяком
Переживания влюбленных,
Другие — словно босиком —
Стоят на углях раскаленных.

Одни любовь не берегут,
Другим она дана на вечность.
...О как я, милая, могу
Принять твоей любви беспечность!

Коль нет огня в твоей крови,
Коль мне душа твоя не светит,
Уж лучше вечно без любви
Мне одиноко жить на свете.

1953

РУССКОМУ СЕРДЦУ

Песня трепещет, взвиться готова.
Песню тебе посвятил я снова,
Русское сердце.
Не устрасит громыханье гроз,
Зной не спалит, не скует мороз
Русское сердце.
Нежное, полное ласки и света,
Сердце строителя, сердце поэта —
Русское сердце.
В смертном бою тяжелее свинца
Гневное, гордое сердце бойца —
Русское сердце.
Не иссушат никогда суховен
Чистый источник бессмертной идеи —

Русское сердце.

Страстным призывом к победе звуча,

Билось, пылало в груди Ильича

Русское сердце.

Вот почему не могу не воспеть я

Заполыхавшее в бурях столетья

Русское сердце.

Ведь, оторвавшись от грузной Земли,

Первым стучало в межзвездной дали

Русское сердце.

...Мы задыхались среди горных

карнизов —

Мощь возрождения вдохнуло в киргизов

Русское сердце.

Я дорожу им, я хвастаюсь им:

Разве не стало навеки моим

Русское сердце?

1961

БОЛЬШОЙ НАРЫН

Вы прекрасны, горы мои,
Снег вершин — белей молока.
Вы ласкаете взоры мои,
Пробиваясь сквозь облака.
А в долинах ковры лежат —
Оттенить седину громад.
Как родная арча свежа!
Источает она аромат.
Этот воздух впитался в кровь.
Я — частица гор и долин.
Трудно мне без моих хребтов,
Я тоскую от них вдали.
Их рассветы меня бодрят,
Красным светом они горят.

А вода, как кумыс, пьянит,
Горной силой в крови звенит.
Будоражат меня мечты...
Как восторги сердца унять,
Как мои описать хребты,
Чтоб смогли вы меня понять?
Оглушает меня краса
Первозданных белых вершин,
И взмываю я в небеса
И на горы смотрю в тиши.
Пробиваясь сквозь ледники,
Там рождаются родники
И, сливаясь, свиваясь в жгуты,
Низвергаются с высоты.
Никому не подвластен скок —
Седогривый летит поток.
На самом великом Хан-Тенгри
Зародился его исток!
И бурлит и клокочет река —
Ей тесны уже берега.
Что за сила в этом потоке!
Рассекает камни с быка!
Несравненна моя река —
Рвутся брызги под облака.

Нет соперницы ей в теснинах,
Нет, я знаю наверняка.

И не зря решила Москва:
Быть Нарыну рекой плотин.
Лучезарны эти слова.
Встрепенулся Большой Нарын.
Отражаются, тают в воде
Разноцветные огоньки —
Это звезды играют в воде,
Будто дочери бурной реки.
Здесь кумысом воздух пропах,
Здесь киргизы живут в горах.
Здесь идет великая стройка
На скалистых крутых берегах.
Да, Нарын, молодой народ
Здесь возьмет тебя в оборот.
Он измерит силу твою
В богатырском честном бою.
Не гордись, не выпячивай грудь.
Устоишь ли в этой борьбе?
Мы на штурм рванемся и путь
Преградить сумеем тебе.
В Токтогульской впадине ты

Будешь новым морем лежать.
Отразит седые хребты
Усмиренная водная гладь.
Хоть коварен ты и упрям,
Мы, Нарын, тебя укротим.
Быть отныне в горах морям!
Быть Нарыну рекой плотин!

Но не только киргизам одним
Будешь службу служить, Нарын.
Засияют твои огни
У друзей из других долин.
Я о них тебе расскажу,
Ведь недаром с пером дружу.
Я поведаю о друзьях,
Что в соседних живут краях.
Крышей мира Памир зовут
Там в зеленой горной стране,
Там в заоблачной вышине
Испокон таджики живут.
Еще тысячу лет назад
Они знали премудрость книг.
Создавали стихов цветник —
Несравненный розовый сад.

Их поэмам забвенья нет,
Слава их облетела свет.
Филигранных стихов узор
Восхищает нас до сих пор.
Искони мы дружбу вели,
Не таили друг к другу зла.
Это ведь из таджикской земли
Каныкей к Манасу пришла.
Знает силу воды таджик —
Разбивает сады таджик.
Напой же, река моя,
Дорогие сердцу края.

Принимай притоки, Нарын,
По дороге силу вбирай.
Полноводный, глубокий Нарын,
Входишь ты в засушливый край.
Здесь нужна живая вода,
Видишь: горы хлопка стоят.
Не жалеют люди труда,
Землю жаждущую поят.
Издавна, уж который век
Земледелием славен узбек.
Может он и с рекою сладить,

Изменить ее грозный бег.
Мой Нарын, к узбекам спеша,
Землю их напои от души
Да послушай песни узбеков —
До чего они хороши!
А плоды из тучных садов! . .
Нет на свете слаще плодов!
Как они ароматны! Есть их
До последнего дня готов.
Да, искусны руки у них,
У друзей моих дорогих,
И работа их велика.
Знай об этом, Нарын-река.
И поэтому поспеши,
Обними поля и сады,
Напой ты их от души,
Чтоб не даром прошли труды.

Есть еще соседи у нас.
И для них, Нарын, не скупись.
У тебя ведь велик запас
Чистой влаги, дающей жизнь.
Принеси им воду и свет —
Ороси их сухую степь.

Это братья мои, и нет
Для меня желанней гостей.
Их отцы и наши отцы
На одном взросли молоке.
Их отцы и наши отцы
На одной селились реке.
У казахов такой же кумыс
И такой же белый айран.
Издавна казах и киргиз
Пировали в степях и в горах.
А теперь казахи, смотри,
Стали хлеб выдавать на-гора,
Настоящие богатыри,
Настоящие мастера.
Помоги им, Нарын, в трудах,
И похвалит тебя казах.
Каждый воду твою оценит —
Ты начало берешь во льдах.

Всем друзьям окажи почет,
Всем друзьям передай привет.
Скажут пусть: «Вот Нарын течет,
Щедро нам дарующий свет».
Напой все земли окрест,

Позаботься об их судьбе,
Все народы из наших мест
Будут песни петь о тебе.
Я стою и смотрю, как ты
С хрустом крошишь синие льды.
И зимой тебя не сковать —
Каждый миг готов воевать.
Будто с дьяволом ты знаком,
По дну двигаешь валуны,
Изгибаешься, как дракон,
Брызги вскидываешь до луны.
Гулкий рокот стоит в горах,
Тонут скалы в твоих парах,
И летит водяная лавина,
Наводя на округу страх.
Мы поймаем тебя, Нарын,
Обуздаем тебя, Нарын,
Грозной силой крутить турбины
Мы заставим тебя, Нарын.
Девяносто гор обогни,
Встань во весь богатырский рост
И зажги над нами огни —
Девять тысяч утренних звезд!

1962

* * *

Никто не находил на свалке славу,
Не к каждому она приходит в дом.
И пеночка с дрожащим клювом слабым
Ни соколом не станет, ни орлом.

Чем дальше в жизнь,
Тем яростней и строже
Она предъявит требования мне.
Когда на чашу золото положат,
Железо понижается в цене.

Неважно,
Будешь первым или сотым,
Ты никого за это не вини.
Ты головой своей стремись к высотам,
Но шею быть высоким не тяни!

1963

С Р О С С И Е Й

Как был счастлив мой народ родной,
Тыщи лет плутавший тропкой узкой,
В дни невзгод и бурь
С народом русским
Побрататься жизнью и судьбой!

В час, когда над ширью наших нив
Собирались тучи в небе синем,
Край киргизский грудью заслонив,
Поднималась на врага Россия.

И когда Октябрьская гроза
Всколыхнула древнюю планету,
Сын России — Ленин — указал
Нам дорогу к знаниям и свету.

Наша дружба, как гранит, крепка,
И любовь в сердцах неугасима.
Мы неотделимы от России,
Мы с Россией вместе на века.

1963

ПОРТРЕТ НА СКАЛЕ

В день перекрытия Нары-
на к скале был прикреплен
портрет Токтогула.

Идет народ вдоль берега реки.
Ползут несметные грузовики.
Сегодня люди течь Нарын заставят
Течению вековому вопреки.

Как будто с места тронулась земля.
Богатыри сегодня у руля.
Работают машины-исполины,
Глаза мои и сердце веселя.

Такого здесь вовеки не бывало:
Вот круто развернулись самосвалы,
Они подходят к берегу реки
И в воду опрокидывают скалы.

Какие глыбы! С доброго быка!
С шипеньем принимает их река
И вздрагивает глухо от ударов.
Уже сомкнутся скоро берега!

Висит над стройкой небывалый гул.
И высоко на левом берегу
Стоит портрет седого аксакала —
На битву смотрит мудрый Токтогул.

И кажется, что это не портрет,
Что в гости к нам явился сам поэт,
Сейчас он нам расскажет, что скопилось
В его душе за много долгих лет.

С портрета улыбается старик.
Готова перемычка! Славный миг!
И наш акын сияет, восхищенный.
Да, он к такому ритму не привык.

Потом мрачнеет. Грустно старику:
Немало видел на своем веку,
Но вот при жизни не пришлось увидеть,
Как поворачивают вспять реку.

Мы все — на стройке, дорогой Токо.
Порою нам бывает нелегко.
Но сил своих, как видишь, не жалею,
Мы — твои дети — видим далеко.

Родной Токо, смотри сюда, смотри —
В труде мы от зари и до зари.
Мы именем твоим называли стройку,
А ты наш труд стихами озари!

Отец, ты дни свои провел в борьбе,
Ты никогда не думал о себе,
Всего себя ты отдавал народу.
Народ поставил памятник тебе.

Родной Токо, люблю тебя, как сын!
Да не забудется в веках акын.
Пускай прославит дорогое имя
Наш памятник — плотина из плотин!

ГОРА МАНАСА

Впервые мне поведал этот сказ
Судьбою умудренный аксакал.
Я слушал не дыша.
В который раз
Меня сразил высоких слов накал!

А он, отдавшись клекотанью строк,
Дыхание столетий ощутив,
Растил из сердца дорогой росток —
Крылатого сказания мотив.

О древний мой народ, —
Не занимать
Вовек тебе душевной широты! —
Своим героям ты готов отдать
И реки, и долины, и хребты.

Во мне до сей поры,
Как в первый раз,
Звучит суровый аксакала сказ.
Пушай он вдохновит теперь и вас.
Я передам сказанье без прикрас.

«Вершина над вершинами царит —
Как серебро в лучах она горит.
В долине то мороз, то дождь, то зной —
Вершина ослепляет белизной.

Там ручеек журчит сквозь облака —
Рождается бурливая река.
Там в белых скалах гнезда выют орлы,
Над пропастью растят они птенцов. . .

Хоть и бушуют грозные валы,
Но нужен им покой в конце концов.

Крутые перевалы ратных лет
Оставил позади батыр Манас.
Немало он мечом добыл побед —
Наш край прославил на весь мир Манас.
В сражениях несчетных он устал,

Почувствовал, что час его настал.
И говорят, что он в конце пути
Решил у этих гор покой найти.

Нет, не ушел бесследно наш герой.
Он обернулся, говорят, горой.
А грозные доспехи, говорят,
И до сих пор в лучах огнем горят.
Стоят несокрушимою стеной,
Чтоб чужеземцы не пришли с войной.

А к небу устремился белый меч,
Ветрами лишь затачивался он.
Врага не пропустить, врага рассечь! —
Таков закон, живущий испокон.
Бывало, что в годину грозных битв
Манасов меч и камни мог рубить.

Нет, не досталось злобному врагу
Ни пяди
Даже высохшей земли.
Откуда бы захватчики ни шли —
Вставали на пути хребты в снегу!

Они стоят.
Величие — их суть,
То хлещет ливень, то ревет буран —
Ничто не в силах скалы пошатнуть,
Царит над миром белая гора!
И даже в небе силы нет такой,
Которая была б ее сильнее.
Поэтому покорно в час ночной
Небесный свод склоняется пред ней!»

Так говорил почтенный аксакал.
А я в глубины сказа проникал.

Потом к аильным старцам подходил
И мучил их вопросами не раз.
Но был ответ один. У всех — один:
Бесследно не ушел батыр Манас!
Он стал горой. Об этом знает всяк.
Стоит гора. Сверкает ак-калпак¹.

Сказания... Где правда? В чем их суть?
Легенды, чей вы отразили путь?

¹ Ак-калпак — белый колпак, национальный головной убор.

Наверно, было много храбрецов,
Которые в атаку смело шли,
А сказы стариков в конце концов,
Быть может, воедино их сплели?

Батыры не пускали к нам врагов.
Всегда на страже, испокон веков.
И потому в любые времена
В груди у нас — героев имена.
И потому всегда в людских сердцах
Живут сказания о храбрецах.

Я думаю: быть может, старики,
Чтобы уйти от давящей тоски,
Рассказывали о боях в степи
И вкладывали жар души в стихи?

Да, нам сказанья наши помогли.
Они мудры, правдивы и остры.
Мы с ними сквозь столетия прошли
И дожили до золотой поры.
Казалось, слава покидала нас,
Казалось, удадь снегом замело,
Но снова распрямился наш Манас,
Поправил богатырское седло.

Да, мы потомки тех богатырей,
Ведь наши песни знает шар земной!
А гости едут к нам из-за морей,
Чтоб встретиться с невиданной весной.

Чтобы увидеть краски той зари,
Которую зажгли мы в серой мгле,
Чтоб убедиться: лишь богатыри
Такое могут сделать на земле.

Герой не умер, он сегодня — в нас,
И с ним богаче юные сердца,
Мы любим Родину, как богатырь Манас,
И не боимся стали и свинца.

Спокойны мы: ведь на одной из гор,
Плечами подпирая небеса,
Стоит батыр — и взор его остер, —
Стоит Манас
На страже, на часах.

А сорок храбрых витязей не зря
Разбили стан в долине под горой —
Рванутся в бой, сомкнув железный строй,
Лишь прозвучит сигнал богатыря.

Народ мой о защитниках своих
Легенды и сказания сложил.
Он их в душе растил,
Он с ними жил,
Он их облек в чеканный вечный стих.
Их может не любить лишь только тот,
Кто сердцем и душою слеп и глух.
В поэмах воплотил себя народ.
Ликует в них Манаса вольный дух!

1968

Б Е Л Ы Е О Б Л А К А

Белым-белы на юге облака,
Горят на солнце лебединым пухом.
Вот встала среди поля молодуха,
Стоит и держит облако в руках.

И поле, что раздольно, широко
Раскинулось огромным полукругом,
Клубится жаркой белопенной выюгой,
Родившейся из белых облаков.

Как будто выпал белый, белый снег,
Укутав землю белой поволокой,
Как будто вдруг слились в одном потоке
Сто тысяч самых белых в мире рек,

Как будто кто-то гору вдруг возвел
И поднял разом в солнечную просинь,
Как будто, — хоть в права вступила

осень, —

Метелью белой белый сад расцвел,

Как будто льды сползли с крутых вершин,
Что даже в самый знойный день не тают,
Как будто птицы белокрылой стаей
Парят над белым маревом долины.

И кажется порой издалека,
Что белым дымом все вокруг струится.
А руки сборщиц кажутся мне птицами,
Мелькающими в белых облаках.

И в час, когда опять шумит страда,
Когда во всем ее накал особый,
Я славлю песней руки хлопкороба
И мужество свободного труда.

У Ч - Э М Ч Е К

Отгорожены снизу шатром Чон-Далы,
Опоясаны сверху безбрежным джайлоо,
Меж хребтов, что от вечного снега белы,
Есть три сопки в горах Ала-Тоо.

Уч-Эмчеком нарек это место народ.
И когда б ни приехал сюда я,
К шелковистой траве, что звенит и поет,
Я губами на миг припадаю.

Здесь в далекую пору мальчонком босым
По завьюженным бегал я сопкам,
Собирал кизяки и в охалке носил
Их в родимую юрту для топки.

А когда на вершинах типчак созрел,
От восторга не в силах сдержаться,
Я взбирался на самый крутой перевал,
Чтобы запахом трав надышаться.

И опять, Уч-Эмчек, я вдыхаю твой дым
И под гомон собачьего лая
Мимо серых домов, их покоем храним,
По земле моих предков шагаю.

И часами стою у истоков ручья
Под безжалостным солнцем палящим,
Пью — и все не напьюсь, будто в этих
краях
Нет напитка целебней и слаще.

Сколько ж минуло лет с незабвенного дня,
Сколько вешней воды убежало,
Когда мама в подол завернула меня
И к груди своей нежно прижала!

А отец меня на руки взял и носил
По зеленым холмам и низинам,
Будоража приятною вестью аил
О рождении желанного сына.

Уч-Эмчек!

Уч-Эмчек!

Я с тобою навек.

Нет земли в целом мире чудесней!

Ты — и синее небо мое, Уч-Эмчек,

И моя колыбельная песня.

Здесь впервые увидел я россыпи звезд

И горячие ливни косые,

Здесь живительным холодом утренних рос

Оналяло мне ноги босые.

Уч-Эмчек!

Уч-Эмчек!

Нету краше земли,

Нету лучшего места на свете.

Сквозь года и снега

И вблизи и вдали

Мне огонь моей родины светит.

Уч-Эмчек!

Я тебя ни на час не забыл

И по-прежнему рад нашей встрече.

Каждым камнем своим ты мне дорог и
мил,
Каждой ивой и каждою речкой.

И на древность твою, и на светлую новь
Не могу я никак наглядеться.
И покуда живу,
Будет вечно любовь
Жить к тебе, Уч-Эмчек, в моем сердце!

1968

ДУМА О МОСКВЕ

Люблю Москву любовью неизменной,
Иду по свету с думою о ней,
Мне видятся Кремля седые стены,
Где бьется сердце Родины моей.

Люблю бродить по улицам московским,
По площади,
Где над разливом дня
Стоит на постаменте Маяковский,
Совсем по-свойски глядя на меня.

Здесь каждый раз душой и сердцем снова,
Навек связав с Россией труд и жизнь,
Я виitivityваю пушкинское слово
И постигаю горьковскую мысль.

Москва!

Здесь все бессмертно и нетленно:
Курантов бой, и звезды на Кремле,
И флаг Отчизны,
И великий Ленин,
Живым идущий с нами по земле.

Где б ни был я, о ней мои тревоги.
И тем дышу сегодня и живу,
Что все пути мои и все дороги
Ведут меня в любимую Москву.

1968

* * *

Когда пылала в сердце кровь,
Был мир весенний полон света,
Твои глаза, твоя любовь
Во мне увидели поэта.

И счастлив я, что у других
Мне слов заимствовать не надо,
Чтоб славить нежность рук твоих
И свет застенчивого взгляда.

1969

ПО ГЛАВНОЙ УЛИЦЕ

Лежит аил мой высоко в горах,
В объятьях каменистого ущелья,
Где по утрам горячие ветра
Клубятся тополиною метелью,

Где неумолчным рокотом реки,
Как музыкой, наполнен свежий воздух,
Где по ночам горят, как огоньки,
Далекие, загадочные звезды.

Здесь все, как говорится, на виду
И все до сладкой боли сердцу мило...
Сегодня вновь, как в юности, иду
По самой главной улице аила.

Она летит стрелою вдоль реки,
У снежных гор сливаясь с синей далью.
Прошли года с тех пор, как земляки
Ее с любовью Ленинской назвали.

Их время жгло в походах и в огне,
Трудом учило ленинской науке.
По улице вождя навстречу мне
Веселой стайкой движутся их внуки.

Войдет мальчишка робко в первый класс,
И словно остановится мгновенье,
Когда рукой нетвердой в первый раз
Напишет он родное имя — Ленин.

Пусть говорят,
Что Ленин не бывал
В моих горах, сквозным ветрам открытых.
Он, как живой, над улицею встал,
Изваянный из красного гранита.

И ночь ли над горами или день,
Ему видна отсюда вся планета.
Со всех окрестных сел и деревень
К нему приходят люди за советом.

Он в наших песнях радостных воспет,
Он в нас,
Он в наших думах,
В наших детях.
И, сотканный из шелковых соцветий,
В домах у нас висит его портрет.

Он счастья свет зажег в моем краю,
Вдохнул в народ мой сказочную силу.
У памятника Ленина стою
На самой главной улице аила.

Шумят листвой багряной тополя,
Искрится осень теплым листопадом.
И кажется,
Что вся моя земля
Стоит сегодня здесь со мною рядом.

Вот кажется, что именно ко мне
На краткое мгновение повернулась
И звонкою улыбкой улыбнулась —
И вся душа моя уже в огне. . .
Вот побежала, будто стригунок,
И я — в мечтах — за ней! — не чуя ног.

А то, как лебедь, шею повернет,
Как белая встревоженная лебедь,
И вдруг, как лодка, сквозь волны нырнет —
И слышится воды вечерний лепет. . .
Во лбу ее сияет серебро!
Пасует перед ней мое перо. . .

Вот медленно идет. Ее ступня
Легко скользит, колдует и чарует,
И взору наслаждение дарует,
И убегает, за собой маня.
Вот изогнулась и под звон струны
Плывет, как серпик молодой луны.

А в волосы закутавшись, она
Вдруг на волну становится похожа.
Бежит-переливается волна,

УЗБЕЧКА

...С тех пор она царит в душе моей.
Да, я однажды видел это диво.
Она была прекрасна, как ручей,
Который с гор сбегает торопливо.
Смотрел я на узбечку не дыша.
Лишь ей принадлежит теперь душа.

...Она танцует! Тело — говорит.
Легенду о любви слагает тело.
Она бежит, кружит, летит, парит...
А я смотрю на пери оробело.
И нет сравнений для ее красы —
Сверкает, будто лезвие косы.

Сердца джигитов ритмами тревожа.
И тело льется, как волна волос.
(Мне видеть это чудо довелось!)

Мерцает блестками ее наряд,
Она танцует, пола не касаясь,
Она летает ласточкам на зависть!
А руки плещут, руки говорят!
Любым движением она поет.
Не знаю, с чем сравнить ее полет...

(Потом глаза я часто закрывал
И видел озаренную поляну,
Цветы горят везде, куда ни гляну,
Летит косуля через перевал!
А то, бывало, видел яркий луч,
Который прорывался из-за туч.)

Она улыбкой нежной ослепит
И вдруг моргнет тебе, играя бровью.
Ну разве сможет устоять джигит,
И без того томимый жаркой кровью?
Она подмигивает! В этот миг
Мне кажется: в пустыне бьет родник!

Она танцует, радостно спеша.
То безмятежна, то на миг печальна,
То снова вся пронизана лучами
Лликующая чуткая душа...
Она сияет! Все убеждены —
Красу взяла узбечка у луны!

Она неповторима каждый миг,
Стремительна, как лань в момент погони.
И я уверен, на ее ладони
Играет солнечный горячий блик.
Узбечкою пленен и млад и стар.
Красавица взяла у солнца жар.

И если самый мрачный человек,
Который улыбаться не желает,
Увидит свет, летящий из-под век,
То даже он, наверно, запыхает.
А я был сразу взглядом опален
И с первых тактов был в нее влюблен.

Не видел я красавицы стройней.
Джигиты — что! Джигиты ей подвластны.
Но даже черт застынет перед ней,
Настолько эта девушка прекрасна!

Где нежности и легкости предел?
Пока смотрел — душою молодел.

Друзья, прошу поэта не винить,
Не говорить, что, мол, не знаю меры,
Что потерял и голову и нить
И потому, мол, нет такому веры...
Но вы поверьте — сердцем говорю:
Я видел ясноокую зарю!

И равнодушных не было сердец.
Хотелось, чтобы танец длился вечно...
Когда таланты раздавал творец,
Искусство танца отдал он узбеккам.
О, как легки они, как сложены!
Для танца эти феи рождены!

Я не умею в дойру звонко бить,
Но я душой с дойристами, я — с вами,
Мои друзья-узбеки. Как мне быть?
Мою любовь не высказать словами!
Когда гощу у вас, друзья мои,
В моей душе ликуют соловьи.

Г О Р Ы

Нет, меня не обидают упреки
В том, что сердца негаснувший пыл
И стихов своих лучшие строки
Я горам навсегда посвятил;

Что привязанность к отчему краю
Вдохновенью остыть не велит,
В том, что всею душой презираю
Тех, кто в дальних краях забывает
Цвет и запах киргизской земли.

Горы всюду со мною, как детство,
Как кочевья далекого дым.
Сколько лет пролетело, но сердце
Не утратило верности им.

Горы! Вы мое синее небо
И ручьи, что вскипают, звеня.
Я без вас, как голодный без хлеба,
Как джигит без лихого коня.

Я ваш сын,
Ваш посланник и вестник
И гонец вашей щедрой весны.
Первый вздох мой и первая песня
Вашим эхом на свет рождены.

В день рожденья вы дали мне имя
И направили первый мой шаг.
Здесь отец мой руками своими
Рыл у юрты для сына очаг.

Я душой прикипел к вашим рекам,
К вашим кручам,
К ветрам снеговым.
Мне вовек бы не стать человеком,
Если б не был я вами храним.

И не встретить бы в жизни опоры
Мне от Родины милой вдали.
И покуда крепки мои горы,
Не уйду я бесследно с земли.

1970

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

На пути в Ленинград

С тех пор не раз снега сходили с гор,
Не раз ручьи весенние гремели,
Но помнит сердце,
Помнит до сих пор
Те памятные грозные недели.

Мы были больше месяца в пути —
Везли продукты в осажденный город.
Его в те дни держал за горло голод...
О память сердца,
Ярче мне свети!..

В ночное небо, крылья распластав,
Врезались с ревом вражьи эскадрильи.

Чтоб с воздуха не виден был состав,
Мы окна одеями закрыли.

Усталый надрывался паровоз —
Угля ему, бедняге, не хватало,
Но старый вез,
Хоть через силу — вез,
Вез под дождем горячего металла!

Потом взамен угля пошли дрова.
Лимит, паяк. И людям и машинам.
Наш паровоз дышал едва-едва,
И все же из последних сил спешил он.

Мы ехали под пулями врага,
Налеты повторялись то и дело...
И вот открылись чистые снега —
То Ладога в глаза мои глядела.

Машины шли. Им не было конца.
И были все белы. И все спешили.
Хлеб и свинец везли они борцам,
Которые

в блокаде —

жили!

Мы двигались в колонне. И мела
Весь день метель над Ладогой ретиво.
Ледовая дорога нас вела
Туда, откуда доносились взрывы.

Солдаты в белом охраняли нас.
И на земле и в небе — враг был рядом.
Обстрелы повторялись каждый час
В те памятные дни под Ленинградом.

Нас в этот город
Дружба привела.
Снаряды нам дойти не помешали.
Мы ленинградским воздухом дышали!
Дорога через Ладогу была
Бела!

В Ленинграде. Завод

Фашисты лезли в город. Напрорлом.
Его кольцом железным окружили.
Но люди и работали и жили,
Хоть смерть стояла за любым углом.

Да, каждый день
Героев уносил.
Но люди под обстрелом не дрожали,
И то, что ежедневно совершали,
Казалось выше человеческих сил.

На город сыпалось железо градом,
Но не сбивало вахты трудовой —
Снаряды делались под гром снарядов,
Точились бомбы под фугасок вой.
И званья ленинградца был достоин
Любой рабочий и любой солдат.

...Гостей радушно принял город-воин.
Гостей, как братьев, обнял Ленинград...

Мы видели завод. Ревели танки.
Оружие ковалось день и ночь.
С конвейера — в жестокие атаки.
Враг не выдерживал, катился прочь.
Рождался в Ленинграде свой металл!
Пришельцев мы металлом одолели.
Враг погулять по городу мечтал,
Но силой был поставлен на колени.

В Смольном

Был бесконечен
В Смольном коридор.
И мы в его пространстве пропадали.
И пропадал куда-то наш задор...
Но знали мы:
Нас тут сегодня ждали.

Нас принял Жданов.
О Андрей-аке!
Его и раньше видеть приходилось...
Как рассказать в коротенькой строке
О силе, что в глазах его светилась?

Пожал он руку каждому из нас,
Был добродушен и приветлив с нами,
Струилась теплота из ясных глаз —
Он был таким, каким его мы знали.

И вместе с тем он был уже другим —
Похож на боевого генерала.
Он говорил:
— Мы город не сдадим!
Фашисты не увидят Ленинграда!

Казалось, только что с передовой —
В обыкновенной форме полевой,
Казалось, он недавно из окопов,
И это ему явно не впервой. . .

Потом заговорил об Ала-Тоо,
Как будто бы овец он с нами пас,
И западало дорогое слово
В сердца и души каждого из нас.
— Мы, защищая наш любимый город,
Отстаиваем здесь и ваши горы.
Мы Ленинград врагу не отдадим!
Наш город вечен и непобедим!

Энергия в нем бурно клокотала.
И я подумал:
«Видно, здесь любой
Гранита тверже и прочней металла
И каждый час готов на смертный бой».

Казалось, что держу большой экзамен —
Старался я запомнить каждый миг.
Я слушал Жданова.
Перед глазами
Величественный образ вдруг возник.

Я думал:
«Коммунисты — цепи гор —
И монолитны и несокрушимы.

Вот подползли к горам и бьют в упор
Железные фашистские машины.
Но горы им не сдвинуть.
Красный флаг
Горит бессмертно, как победы знак».

Я эту встречу навсегда запомнил,
Я сердце этой встречею наполнил.
С тех пор,
В каком бы ни был я краю,
Мне кажется:
Со Ждановым стою.

Я видел Жданова в лихую пору,
Когда давали мы врагу отпор.
Своим трудом тогда он сдвинул гору,
Мы это видели, посланцы гор.

И я с тех пор со Ждановым стою
И чувствую себя всегда в строю.

Снег в городе

Всю ночь валил тяжелый мокрый снег.
Засыпал тротуары и дороги.
А утро нам преподнесло уроки —
Они остались в памяти у всех.

Орудую лопатами, вокруг
Стояли женщины. Росли сугробы,
И открывалось полотно дороги.
Да, был нелегок этот зимний труд.

Они ж его за подвиг не считали,
Все это было будничным для них.
А ведь сюда снаряды долетали,
И смерть могла настигнуть
Каждый миг.

Великое стремление к порядку!
Я вышел и лопату попросил,
Я заменил больную ленинградку
И стал работать, не жалея сил.

Царили в городе свои законы,
Мне сразу по душе они пришлись.
Я окунулся в общие заботы —
Без передышки шла борьба за жизнь.

И были все вокруг неколебимы.
Я знал: таких не одолеет враг.
Мне открывались мужества глубины.
И отступал, откатывался страх.

Обед в Смольном

Я помню Смольный тех далеких лет,
В кругу друзей блокадный наш обед.

Входили офицеры. Четкий шаг.
Погоны на плечах. В глазах усталость.
«Таким, — подумал я, — неведом страх...
Великая судьба им всем досталась».

И был обед их до предела прост —
Без мяса каша, чай, кусочек хлеба.
Но каждый, съев его, спешил на пост,
Туда, где взрывы озаряли небо.

Шли, затянув потуже пояса.
Шли, будто бы наелись до отвала,
Туда, где фронтовая полоса
Их ураганом смерти обдавала.

Да, ленинградцами гордился я.
Вливалась в душу радостная сила —
Стояли, как гранит, мои друзья.
Назад ни шагу!
Это клятвой было.

Я думал: «Эти не согнутся, нет,
Не побегут под натиском металла...
И будет мир. И будет белый хлеб,
И яблоки, и мясо, и сметана...»

Теплая рубаха

Когда взревели злобные метели,
Пронизывая тело до костей,
Нам всем рубахи теплые надели —
Нас холили, как дорогих гостей.

И я подумал:
«Нам ~~теперь~~ не страшно,

Нас не прохватит, как бы ни мело:
Сосредоточились в рубахах наших
Гостеприимство, ласка и тепло.

Себя мы чувствовали, как в доспехах,
Казалось, нас и пуля не возьмет.
Рубахи были нам дороже меха,
Кто это испытал — меня поймет.

Такие дни забудутся едва ли,
Когда сердца заботой согревали.
Нас ленинградцы за руку вели,
И вместе мы мороз одолевали.

В театре

Один из вечеров мы провели
В театре. Да, представить трудно это.
Но ленинградцы на спектакль пришли.
Откуда в этих людях столько света?!

Я б мог подумать: «Кончилась война», —
Когда б вдали сирена не взывала, —
По кругу, как в былые времена,
В большом фойе гуляли театралы.

Их речи не были отрешены —
О завтрашних заботах говорили.
Их лица были серы и бледны —
И все ж они театр озарили!

И стало вдруг светлее и теплей
В давно уже не топленном театре...

(Да, театралы тех жестоких дней
Запечатлелись в памяти, как в кадре.)

И взвился занавес.
О сила слов!
Перед тобой склоняюсь молчаливо.
Был монолог и сдержан и суров.
Поддался зал поэзии порыва.

И вскоре холоду пришлось бежать,
И начало пространство нагреваться...
И было трудно слезы удержать,
Когда взорвался зал грозой оваций!

А голос жил, царил и ликовал,
В груди актера, видно, солнце было.
Он это солнце щедро раздавал,
И каждому тогда его хватило.

И мы забыли, что вокруг мороз,
Глухая ночь, блокада, артобстрелы...
Нам видеть вдохновенье довелось!
И сердце каждого
Его огнем горело.

Заключение

С тех пор не раз снега сходили с гор,
Не раз ручьи весенние гремели,
Но помнит сердце,
Помнит до сих пор
Те памятные грозные недели.

С тех пор прошло уже немало лет,
Следов войны нигде давно уж нет.
Сияет город красотою вечной,
Но в сердце навсегда остался след.

А ветры времени поют, гудят
И факел памяти,
Бывает, задувают...

Пусть помнит мир
Блокадный Ленинград,
Пусть никогда его не забывает!

Его неповторимая судьба —
Наука всем кровавым сумасбродам.
Да, город был врагу не по зубам —
В нем билось сердце нашего народа.

Наш Ленинград — ворота в новый век:
Ведь это здесь «Аврора» прозвучала!
И гордо распрявился человек,
И это было новых дней начало.

По этим улицам ходил Ильич!
К нему под стяг стекались миллионы...
Друзья, мне это нелегко постичь,
И я смотрю на камни удивленно.

Наш Ленинград — источник новых зорь:
Он сонным посылает свежий ветер.
Наш Ленинград — Земли великой соль.
Вовеки будет город прям и светел.

1970

С КЕМ ТЕБЯ СРАВНИТЬ?

Была бы ты цветком — себя я не пойму, —
Но на тебя смотреть не дал бы никому.
А озером была б — хотел бы лишь один
Я медленно бродить по берегам твоим.

Без слов меня манишь — молчу я, удивлен.
А если слово слышу — лечу я, окрылен.
Отрава горьких слов меня не ранит, нет.
В глаза твои смотрю — а в них играет свет.

Смотрю я в небеса, а в облаках, ясна,
Плывет во всей красе полночная луна...
Быть может, о тебе неправильно сужу,
Но недостатков я в тебе не нахожу.

Кто пятна на луне изъязном назовет?
Волшебница луна — как ты — одна плывет...
Как о твоей красе строку мне огранить?
Кого сравнить с тобой? И с кем тебя
сравнить?

1970

ПРИГЛАШЕНИЕ В КИРГИЗСТАН

Тем, кто на Западе безответственно говорит о советском колониализме, я не могу дать лучшего совета, чем следующий совет: «Посетите Киргизстан».

Из записок французского журналиста

Настало время людям разных стран,
Где нас еще ругают и порочат,
Сказать: — Вы приезжайте в Киргизстан
На нашу землю поглядеть воочью.

Пройдите по стране долин и гор,
Послушайте, о чем поют потоки,
О чем с безбрежным небом синеоким
Ведут сады и нивы разговор.

Наверно, трудно, находясь вдали,
В свершенья наши на слово поверить...
Так в чем вопрос?..
Народ моей земли
Ни перед кем не закрывает двери.

Все, чем живем, покажем без прикрас.
Смелее в путь, сомнения отбросьте!
В любом аиле люди встретят вас,
Как испокон у нас встречают гостя.

От всей души накроют дастархон,
Согреют задушевною беседой.
Налют кумыса, чтоб отведал он,
И приготовят бешбармак к обеду.

Вы не смущайтесь... Вашей нет вины,
Что день и ночь трубят за океаном
О том, что и отстали, и темны,
И, как сто лет назад, угнетены
Бесправные дехкане Киргизстана.

Зайдите в дом к шахтеру, к чабану,
К строителю, поэту, свекловоду...
Ведь всем известно:
Не познав народа,
Не сможешь и познать его страну.

Смотрите все...
У нас секретов нет,
Мы умысла в душе не держим злого.
Хотите — съездим с вами на джайлоо,
Хотите — пригласим вас на балет.

Смотрите же!
Смотрите же вокруг!
И вам от правды никуда не деться.
Вот наша Академия наук...
Вот клиника, где опытный хирург
Вдыхает жизнь в безжизненное сердце.

Решайте сами, кто и как живет,
Кто властелин лесов, полей, заводов...
И если это, извините, гнет,
Так что ж тогда, по-вашему, свобода?

О нас давно уже наслышан мир,
И в дальних странах знают нас,
и в близких,
И в Англии, и в Индии.
Шекспир
Не раз звучал со сцены по-киргизски.

Не мудрено, что все у вас в уме
Смешалось от увиденного ныне.
Внушали вам, что мой народ в ярме,
Что он томится в беспросветной тьме,
А он давно — на солнечной вершине.

Из края в край, куда ни бросишь взор,
Везде размах работы небывалой...
Ну что же вы?..
Вступайте с нами в спор,
Но только чтобы с поднятым забралом!

Грешно не видеть наши чудеса,
Им нет числа, куда вы не глядите.
А может, вы не верите глазам?
А может, просто верить не хотите?

И так еще случается порой,
Что, на судьбину горькую в обиде,
Стоит слепой под самую горой,
А вот горы-то этой и не видит.

Конечно, каждый сам себе судья,
Свои на все у каждого запросы. . .
Но все-таки хочу просить вас я —
Не шарьте по помойкам и отбросам.

И черные очки при свете дня
Не пяльте на глаза себе упорно,
И правды, опасаясь, как огня,
Вы белое не называйте черным.

И хоть щедры киргизы и скромны,
Но не позволим никому в угоду
Мутить в прозрачных наших речках воду,
Чернить все то, чем ныне мы сильны:

Свободный труд, и радостную жизнь,
И солнце справедливой нашей власти,
И в битвах завоеванное счастье,
И светлую дорогу в коммунизм.

И как нельзя смирить метели бег,
Так не разрушить ложью и оружием
Нас всех в Союз сплотившую гзвек
Испытанную ленинскую дружбу.

Смотрите же!
Смотрите же вокруг!
Нам у других не занимать богатства.
Оно святое дело наших рук,
Плод подлинного равенства и братства.

Не верьте тем, кто мелет всякий вздор
О нас, оковы сбросивших навеки,
О нас, моря создавших среди гор
И повернувших вспять седые реки.

Смотрите на народ, чьему труду
Предела нет в дерзаннях и открытиях.
Все, чем горды киргизы, — на виду...

Смотрите же!

Смотрите же!

Смотрите!

КАЙРАК - КУМ

Как ребенок, увидевший чудо,
Хоть давно седина на висках,
Я шепчу удивленно: откуда
Взяться озеру в этих песках?

Я гадаю, чья добрая сила
Край, что был и суров и угрюм,
К светлой жизни из тьмы возродила —
Напоила седой Кайрак-Кум?

Разве думал мой предок былинный,
Что придет это время, когда
С Ак-Буры и с Большого Нарына
Устремится в пустыню вода,

Что над сушью барханною ржавой,
Одолев суховой и жару,
Закачаются тучные травы
На веселом, пьянящем ветру?

Сколько силы в простом человеке,
Устремленном в орлиный полет!..
Обуздает он бурные реки,
Гор твердыни с дороги сметет.

И железо расплавит и камень,
Остановит грозу и буран,
Солнце с неба достанет руками
И к луне вознесет океан.

Я восславлю еще эти руки,
Что упорством своим на века
Засадили пустыню урюком,
Проложили каналы в песках.

И покуда живу, не забуду,
Как на месте пустыни седой
Я увидел великое чудо —
Кайрак-Кум, напоенный водой.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Под мелодии комуза
Я спускаюсь за водою,
Для меня джигит играет —
Понимаю всей душою.

Птичка с ветки облепихи
Голос подает веселый.
Я иду к ручью по тропке,
А комуз поет, веселый.

Лютик, лишь меня завидев,
Желтый венчик раскрывает.
Песня жаворонком льется —
Сердце сладко разрывает.

Если ближе подойду я —
Струны песню приглушают,
Будто тихо тайну шепчут,
Будто робко приглашают.

Ухожу, ведро наполнив, —
Песня плачет за спиною,
Разливает звуки грусти
И прощается со мною.

Ах, джигит, издалека я
Узнаю колпак твой белый.
Что мне делать, я не знаю.
Что ж ты, друг, такой несмелый?

Я хочу тебя услышать,
Подойди, скажи хоть слово...
Но джигит молчит, как прежде,
А комуз играет снова.

Я хочу по тропке бегать
Каждый вечер за водою...
Почему же от мелодий
Ноет сердце молодое?

Птичка с ветки облепихи,
Ты щебечешь так искусно!
Но к чему такая песня,
Если мне сегодня грустно.

1970

В КУЛУНДУ

Снова солнце встает над землей Кулунду,
Над садами,
Над дремлющим полем.
И опять я навстречу рассвету иду
По высокой траве, по раздолью.

Я иду, на росе оставляя следы,
Я к цветам прикасаюсь щекою.
А ведь только вчера
Эта степь без воды
Умирала от жажды и зноя.

Здесь, где можно рукою достать до реки,
Не водилось ни дичи, ни птиц,
Лишь бродили по черным камням ишаки
Да гнездились в песках черепахи.

Мне навстречу — старик, коренаст, невысок,
Гор заоблачных истинный житель...
— Кто ошибся из нас: я, а может быть, бог?
Не сочтите за труд, рассудите...

И поведал он мне,
Как, приехав сюда,
Не узнал глухомани бурьянной,
Как нажал на рычаг —
И речная вода
Побежала струею из крана.

Он стоял, как внезапно прозревший слепец,
Думал, может, все это приснилось?
Или, может, аллах проявил наконец
К этой скудной земле свою милость?

И ходил целый день в окруженье внучат,
Наслаждаясь осенней прохладой,
И дивился садам,
И созревшим бахчам,
И высокому, в рост, винограду.

И ему не хотелось уже вспоминать,
Что в тот год на душе его было,
Когда сын заявил,
Что решил уезжать
В Кулунду из родного аила.

— Не спеши, — говорил он, — опомнись,
сыннок!
(Слово каждое помнит поныне.)
Пропадешь ни за грош, — говорил, — видит
бог,
В этой проклятой богом пустыне!

Говорил: неужели ты сам себе враг,
Что, как заяц, бежишь из аила?
Иль тебе опостылел родимый очаг?
Иль не дороги предков могилы?

Что забыл ты в безводном степном
Кулунду?
Чем не мил тебе гор наших ветер?
Ведь с собою туда не возьмешь ту звезду,
Что над юртой отцовскою светит.

Думал: так и не сможет он сына простить,
Хоть была невеселой разлука.

А сейчас вот приехал к нему погостить,
Поглядеть на сноху и на внуков.

Он теперь понимает, кто прав, кто не прав,
Все здесь радостно сердцу и глазу.
Ведь, признаться, такого обилия трав
И в горах он не видел ни разу.

Мы б стояли с ним долго в дремотной
тиши,

Но ватагою дружной за дедом
Прибежали внучата его — малыши,
На полслове прервали беседу.

Самовар возле дома урчал, во дворе,
И молодка-хозяйка радушно
Уступила нам место на мягком ковре,
Пододвинула ближе подушки.

Пили чай, и счастливый старик без конца
Любовался украдкою сыном:
И характером, дескать, удался в отца,
И взглянуть — сразу видно: мужчина!

Сын курил.
Огоньком у него по лицу
То и дело улыбка блуждала.
Он подкладывал теплых лепешек отцу
И шутил, как ни в чем не бывало.

И старик, знавший меру людскому труду,
Улыбнулся: — А знаете, дети:
Крепко верю,
Что станет теперь Кулунду
Самой лучшей землею на свете!

1970

БАТКЕН

«Постарайся, дружище, не ездить в Баткен,
Если нет неотложного дела.
Там безлюдные горы суровы, как плен,
И пустыням там нету предела.

По-таджикски Баткен —
Это царство ветров,
Где любая дорога опасна.
Если хочешь, дружище, остаться здоров,
Ты не езди в Баткен понапрасну!»

Много в жизни слышал
Я подобных речей.
И хоть верить не очень старался,

Жил в душе моей страх,
И, как вешний ручей,
Он по жилам моим растекался.

Но недавно мне там довелось побывать,
И на край этот я не в обиде.
Потому и решил вам, друзья, рассказать
Я о том, что в Баткене увидел...

Где когда-то Торт-Куль заметали пески,
Где земля изнывала от зноя,
Каменистое русло свирепой реки
Перекрыто бетонной стеною.

Напоила поля и сады Исфара,
Плещет море в песках. И отныне
Ни песчаная мгла,
Ни слепая жара
Не страшны обводненной пустыне.

И куда ни посмотрят сегодня глаза —
По низинам, барханам и склонам —
Молодые — на тыщи гектаров — леса
Сердце радуют шумом зеленым.

Не поверишь, что в этом исчадье беды
Даже птицы боялись гнездиться...
Кружат стаями утки над гладью воды,
Теплый ветер колышет пшеницу.

Не осталось следа
От былой старины,
Пахнет в воздухе сладким урюком.
Молодеет Баткен.
Здесь сегодня нужны
Позарез работающие руки.

И со всех уголков необъятной страны
С верной спутницей — песней веселой
Поднимать вековые пласты целины
Едут в древний Баткен новоселы.

1970

КОГДА ЧИТАЮ ТО,
ЧТО НАПИСАЛ ПОЭТ

Когда читаю то, что написал поэт,
Мне кажется — лечу я с ним через хребты.
Пылают облака, слепит горячий свет,
Захватывает дух от гулкой высоты!

Когда читаю то, что написал поэт,
Мне кажется — вхожу во вспененный поток.
Я вижу снежный пик и розовый рассвет,
И буйно рвется ввысь в душе моей росток.

Когда читаю то, что написал рифмач, —
Мелькает, мельтешит трескучих строчек цепь.
Ни света, ни воды, ни дерева, — хоть плачь! —
Бреду я, как дервиш, через сухую степь.

Хочу я каждый день перед зарей читать
Крылатые слова, что написал поэт.
Хочу читая стать словам его под стать,
Хочу в стихе найти и силу и совет.

Неутомимый конь, где иноходь твоя?
Где беркута крыло, чтоб тень — на облака?
Где голос, чтоб летел в далекие края?
Где долгожданный стих, высокая строка?

1971

П Е С Н Я

С. Чечейбаевой

Плещет песня, как плещет речная волна,
К сердцу каждому тропку находит.
Вышивает певучий узор Сагыйпа
Из веселых и грустных мелодий.

Льется песня-краса,
А закроешь глаза —
И почудится в сумраке зала,
Что поют соловьи в арсланбобских лесах,
Что цветы полыхают на скалах.

Зачарованный зал от волненья затих,
Тишиною готовый взорваться.
Зал застыл, не дыша, чтоб уже через миг
Разорваться от грома оваций.

Замечталась, заслушавшись песней, луна.
Звезды по небу ночь расплескала.
Сколько чувства в напевах твоих, Сагыйпа,
Сколько страсти и сколько накала!

Может, сила твоя от Нарына-реки,
Может, солнце в груди твоей скрыто?
Запоешь — и глядят веселей старики,
И уверенней — в седлах джигиты.

Плещет песня, как плещет речная волна,
То тревожит, то радует душу.
Пой еще, Сагыйпа!
Пой еще, Сагыйпа!
Я готов без конца тебя слушать!

В РОДНЫХ МЕСТАХ

1

И опять меня тянет к родимым местам,
Где все мило и дорого сердцу.
И опять беззаботно за мной по пятам
Пробегают далекое детство,

И опять мне чабанские светят костры,
Расстилая дымы над рекою.
И опять мне с вершины далекой горы
Юность машет знакомой рукою.

И опять закипает волнение в груди —
Неизбывного счастья предвестник.
И опять откровением первой любви
В небе плещется девичья песня.

И опять, и опять я растроган до слез
И до боли душевной встревожен.
И родная земля, где родился и рос,
С каждым днем мне милей и дороже.

2

По холмам, по низинам, меж вздыбленных
гор,
По вершинам, где тлеют закаты,
Бродит детство мое с незапамятных пор,
От меня убегая куда-то.

Я мальчишкой здесь знал каждый камень
и куст,
Резал дерн под горой Саткангула.
Все иное теперь тут, лишь речка Норус
По ущелью проносится с гулом.

Я с друзьями здесь кекликов хитрых гонял
По заросшим бурьяном увалам.
Сколько ж минуло лет, если я не узнал
Отчих мест, где зимовье стояло.

Может, сбился с пути от него в двух шагах,
Может, просто плутаю по кругу...
Стаял стойбища дым... И следы очага
Перепаханы тракторным плугом.

Нелегко нам порой сбросить памяти груз,
Что посеян в нас вечным посевом.
Может, я оттого в гуле речки Норус
Слышу древних кочевий напевы.

Здесь сегодня другие огни зажжены,
И другое здесь властвует время,
И тугие пласты вековой целины
Рассекает стремительный лемех.

Да, завидна былого кочевья судьба.
Славен труд, словно песнь окрыленный.
Тонут в дымке бескрайним разливом хлеба,
И сады зеленеют на склонах.

И ласкаю я сладкую землю отцов,
Опьяненный горячим ознобом.
Молодеет душа, и опять я готов
Выйти в поле, как встарь, хлебобобом!

ЮНОЙ ПОЭТЕССЕ

Твои стихи смутили мой покой.
Твои слова, сверкнувшие так ярко,
Пленили вдохновенною строкой
И стали неожиданным подарком.

Поэт воспламеняется порой
Чужой строкою. И — свою рождает.
Не увлекаюсь я такой игрой,
Не стих меня к запеву побуждает.

Но ты встревожила меня, поверь,
Твои стихи мне протянули руки.
И вот — ты видишь — я пишу теперь
О том, как слушал радостные звуки.

Отныне я мечтам принадлежу,
Стараюсь сделать вид, что не страдаю.
Игру косуль по склонам гор слежу,
Следы лисиц беспечно наблюдаю...

Прекрасен алый трепетный цветок.
Еще прекрасней он — когда далек...
О мой соратник, говорю с тобою,
Но мысли скрыть пытаюсь между строк.

Прошу, держись подальше от меня
И оставайся лишь моей мечтою.
Не распаляй во мне того огня,
Который зажигают красотою.

Да, ты — цветок тюльпана, я — певец.
Я музыкою слова утешаюсь...
Ах, сколько тронешь ты еще сердец —
Я этого представить не решаюсь.

У Т Р О

Не совсем пробудившись от сна,
В полудреме вершины, как дети,
А над ними, как чаша, луна
Серебрится в предутреннем свете.

В золотую парчу облачась,
Свой наряд они сбросили старый.
Вот и козы проснутся сейчас
И глаза приоткроют архары.

Им неведомы дымы костров
И дыханье пустынного зноя, —
Только трав они знают покров,
Первозданную прелесть покоя.

Не страшны им зимой холода,
Не боятся с охотником встречи,
И лишь небо поймет без труда
Их забытое нами наречье.

И не только в горах пешеход,
Но приходит в восторг даже птица,
Увидав, как пылает восход
И цветочная свежесть струится.

О, не гасни, заря, среди скал
И сияй этим птицам и травам!
Чтобы стих на вершине звучал,
Должен быть он, как ты, величавым.

Если б стал я нагорной рекой,
Если б доля скалы мне досталась,
Не хотел бы я жизни другой.
Может быть, не пришла бы и старость.

Здесь, в горах, обитают цветы,
Человечьих не зная ладоней,
Реют звуки такой чистоты,
Что становишься сам окрыленной.

По тропе, где деревья сплелись,
Поднимусь и на камень присяду...
Озари меня, горная высь,
Животворную дай мне прохладу!

1971

ПЕРВАЯ ШКОЛА

Я помню, здесь унылая лачуга
Торчала, как бельмо, давным-давно.
Но место ей, как для большого друга,
В моей душе навек отведено.

Она поправилась бы вам едва ли,
Но ту хибару школой называли.
Я здесь переступил ее порог,
Чтобы услышать первый свой урок.

На земляном полу была солома,
И были животы порой пусты,
Но здесь над нами воспаряло слово —
Мы слушали его разинув рты.

Сидели в валенках и в старых шубах,
Читали нараспев за слогом слог.
В озябших пальцах, трудовых и грубых,
Учитель наш едва держал мелок.

Но на доске вдруг возникало диво!
Ни с чем мы не смогли б его сравнить.
Для нас тогда писал он так красиво —
Как бусинки нанизывал на нить!

Считали мы тогда себя борцами
За новый путь, за новый светлый мир.
Мальчишечьими страстными сердцами
Владел родной учитель, наш кумир.

Смешные деревянные винтовки —
Куда б ни шли — носили мы с собой.
Не истощались юные восторги —
Готовы были мы в последний бой...

Ушли незабываемые годы,
И домика того давно уж нет.
Но не пропали дорогие всходы —
В сердцах оставили горячий след.

И я запомнил навсегда, поверьте,
Холодный класс, где сел на скакуну...
И не забуду я до самой смерти
Учителей далеких имена.

Да, рухнул тот обшарпанный домишко,
Недолго на земле он простоял.
Но был заложен дом в душе парнишки —
Он рос, пронзая тучи, и — сиял!..

Когда, бывает, в залах институтов
Встречаю я седых профессоров,
Я знаю: начались они оттуда,
Им путь открыл тот легендарный кров,

Тот, бережно в душе хранимый всеми,
Тот самый, старый неказистый дом,
Та комната, в которой мы на сене
Лежали, буквы выводя с трудом.

Когда, согнувшись над стихотвореньем,
Я поглощен внезапным озареньем, —
И ветер наполняет паруса! —
Я вспоминаю светлые мгновенья —
Учитель открывает нам глаза!

Д Ж А Й Л О О

Когда лютует серый ливень,
А белый град арчу сечет,
Когда потоками, бурливо,
Отчаянно вода течет,
Тогда, и вы поверьте слову,
Прекрасно летнее джайлоо!

Когда шарахнулась отара,
Когда в испуге стригунки,
Когда коровам худо стало —
Сверкнули жадные клыки! —
И в этот миг, поверьте снова,
Прекрасно щедрое джайлоо!

В горах седой буран бушует,
В предгорьях — небо голубое.
Мальчишки радостно гарцуют,
Зовут в раздолье, за собою.
Я рвусь повиноваться зову —
Я тоже вырос на джайлоо!

В горах наш дом. К горам душою
Навек прирос любой киргиз.
У нас табунщик и зимою
Заквасит золотой кумыс.
Не пробовали вы такого —
В нем запахи цветов джайлоо!

Когда метели завывают,
В горах работа нелегка,
Но люди здесь не унывают —
Горит румянец на щеках.
Табунщики всегда здоровы,
Как все, кто вырос на джайлоо.

Упорны снежные атаки.
Но им, лихим, наперекор

Киргизы берегут отары
И не покинут грозных гор.
Пускай погода здесь сурова —
Никто не убежит с джайлоо.

1971

ИЗ ГОРНОЙ ТЕТРАДИ

Озеро Сон-Куль

Сияет озеро, а степь лежит цветным платком.
Простор, и синий плеск волны,
и шелест трав кругом.
А я, оглядывая ширь,
стою на островке, —
Он будто малый шаткий плот
куда-то вдаль влеком.
Клочок земли, сдается мне, качается чуть-чуть,
Но замечаю только я, что мы пустились в путь.
Спокойны очертанья скал в воде не потому ль,
Что их в озерный круг вобрал
и отразил Сон-Куль?

Овец недвижные стада на склонах гор видны,
Как камни, серые они,

круглей, чем валуны.

Благословенные стада пасутся без помех,

Долина, как ни велика, вместить не может всех.

Прислала свежий ветерок алайская гряда,

Он помогает в трудный зной оберегать стада.

Гляди-ка, пес сторожевой, чабанский верный пес!

Как шустро гонит он на луг стада овец и коз.

Дымок над юртой завился —

любезный сердцу знак, —

Молодки топят в котелке желтеющий каймак.

Готов вечерний дастархон,

и жены возле юрт

На поздний ужин чабанов приветливо зовут.

Над всей озерною водою струнется аромат.

Пропах румяным каймаком божественный закат.

Сон-Куль взирает на тебя,
и ты им восхищен.
Слетает птица на плечо к тебе,
как легкий сон,
Людей нисколько не боясь —
в них столько доброты! —
С природой слившись,
станешь здесь
мудрей и лучше ты!
Плывет спокойно дикий гусь,
он оседлал волну,
То вверх качается,
то вниз, подобно скакуну,
Победоносно поглядел,
привольной жизни рад...

Да, Иссык-Кулю наш Сон-Куль,
и вправду, младший брат.
В подзвездной этой вышине,
как блюдо, он повис
И синим взором на хребты
взирает сверху вниз.

Разбежались наши глаза —
до чего ж еда хороша!
Трудно мне слова подыскать,
чтобы горный той описать!
С наслажденьем умяли мы это все,
по правде сказать.
Но когда мы встали простясь,
чтобы ехать куда нас ждут,
То хозяин спросил у нас:
«Кто мы будем, как нас зовут?»
— Вот те на! — удивились мы. —
Значит, нас не зная совсем,
Щедро,
словно братьев родных
угощал нас хозяин всем.
Нас увидел он в первый раз,
но, смущаясь от похвалы,
Подносил нам пенный кумыс,
чай душистый лил в пиалы,
Стану жертвой за свой народ, —
он душой широкой красив.
Привечает путника он,
званья, имени не спросив.

Будет ласково встречен тот,
кто в аил к нему завернет.
Здесь и встретят и угостят,
и душою гость отдохнет.

Земля, на которой родился акын Калык

Посредине бурлит река,
словно в праздничный день базар.
Встали горы со всех сторон
медно-красные, как пожар.
Будто кто-то из горня вдруг
чугуном кровавым плеснул,
Глину красную замесил
и в закат ее окунул.
Несравненный Акын Каке,
пламеневший, словно восход,
Только здесь родиться он мог
среди рдяных горных высот.
Разве мог умыться он
укрошенной водой степной?
Был сияньем солнца омыт,
с неба льющейся краснотой.

*

Перед взором гостя того,
кто впервые у нас в горах,
Будто каменный богатырь,
встал утес в тяжелых снегах.
Словно тигр, готовый к прыжку,
притаилась грозно скала,
А другая гнутым серпом
и зазубрена и гола.

Изумленным взором взглядысь
в очертания ближних скал,
Можешь в выступе угадать
разъяренного льва оскал.
Тот утес, как беркут, навис,
угрожая громадой всей,
А другой, как ловчий, присел
среди незримых глазу сетей.

*

Наш акын премудрый Каке
много притчей знал и былин,
О батырах славных он пел,
Курманбек их вел, исполин.

То порой он грустным бывал,
на комузе тихо брэнча,
То высмеивал богачей,
издевательски хохоча.

Мать-земля, где жил наш поэт,
песнопевец и богатырь,
В первозданной красе своей
перед ним распахнулась вширь.

...Несравненным ты был Каке,
отличался всем от других.

Сколько песен ты нам пропел,
сколько притчей знал золотых!

То гремел, как горный поток,
что летит в ущелье, бурля,

То был робок, как ветерок,
одувающий тополя.

...На траве пылает роса,
точно тысячи мелких глаз, —

Сердцу кажется моему,
что в предутренний этот час

Ты, акын, идешь по земле,
нам по-дружески говоря:
«Крепче перья надо держать
и чернила не тратить зря!»
Здесь, Каке, твоя колыбель,
здесь ты вырос и возмужал,
Этот красный горный хребет,
он восхода алость впитал.
Мы храним наследье твое,
и ненстовая строка,
Как рожденная в облаках, —
бурно мчащаяся река.

Ростки картофеля

Зной. Полюнная поляна.
Скалы — серая гряда.
Здесь земля закаменела,
как гранит, она тверда.
Но на солнечном восходе,
утверждениям вопреки,
Появились друг за дружкой
жизни полные ростки.

Те живут на свете долго, —
 это мудрые слова! —

Кто возделывает грядки
 засучивши рукава.

Ведь у нас в горах киргизских
 много речек и озер,

Но ловить, однако, рыбу
 мы ленились с давних пор.

Носим модные ботинки,
 дорогие пиджаки,

А готовим по старинке
 то, что ели старики.

И совсем несообразно
 людям нынешних времен

Накрывать однообразный,
 хоть и сытный дастархон.

Тот рачительный хозяин
 и колхоза голова,

Кто разводит огороды,
 где росла полынь-трава.

Пусть на скалах приозерных,
 в синем зеркале воды,

Отразятся человеком насажденные сады.

Доброе слово

Я не стар еще годами,
хоть и возраст мой не мал,
Все ж порой мне грустно слышать
обращенье: «аксакал».
...На джайлоо мы сидели
вкруг горящего огня,
Вдруг хозяйка молодая
ополчилась на меня.
Не понравилось ей, видно,
что, ссылаясь на года,
От баранины отменной отказался я тогда.
Взяв невидимые стрелы,
занялась она игрой,
И в меня невинных шуток
полетел дразнящий рой.
Я смотрел и любовался.
И прелестна и стройна,
Камышинкою озерной показалась мне она.
Так плутовка говорила:
«Ешьте, пейте, в добрый час,
На джайлоо каждый молод,
нету старости у нас.

Шутят здесь и веселятся,
до краев налив стакан!..»

Уподобился я зайцу, угодившему в капкан.

Говорю:

«Блюду диету,
мол, сыта моя душа».

Звонкий смех в ответ на это

мягко режет без ножа:

«Кто усов своих не бреет
И воздержан стал в еде,
Тот состарится быстрее,
Уважаемый джезде¹.
И поститься вам без толка,
Право слово, не к лицу, —
Хватка есть еще у волка,
Одолеет он овцу».

И завистливо смеется,

мне в глаза вперяя взор.

Зубки блещут, словно жемчуг,

ровным рядом на подбор.

Звонкой шуткой обжигает,

прибаутки горячи,

¹ Д ж е з д е — почтительное обращение к мужу старшей сестры.

Будто слово занимает
у пылающей арчи.
А потом она степенно,
опуская очи вниз,
Подала в кувшине пенный,
освежающий кумыс,
С видом. словно захотелось
выпить ей вдвоем со мной.
Закружилось, завертелось
счастье ласковой волной.

Этот смех задорный в юрте,
и маня и ворожа,
Снова молодость вернул мне,
мысли смелые кружа.
Сладко хлынули мне в душу
виноградная пора,
От раскрывшихся тюльпанов
пламеневшая гора,
Рокот песен соловьиных,
устремившихся к звезде...
А всему причиной было
обращение «джезде»!

Это ласковое слово
и сиянье милых глаз
Пусть на время, но вернуло
сердцу молодость сейчас.
И виденья молодые
в сердце вихрем ворвались,
Время полное стремлений
вновь меня вздымало ввысь.
...Я не молод, знаю это, —
голова седа, как дым,
И не сделаться поэту
вновь джигитом удалым.
Но скажу, всего дороже, —
этим много я горжусь, —
Если, встав средь молодежи,
одногодком ей кажусь.
Пусть лицо мое похоже
на изношенную бязь,
Но средь подлинных джигитов
сам стою я распрямясь.
Из ущелья утром тянет
бодрый, крепкий ветерок, —

Воздух юности вдыхая,
свой я возраст превозмог.

...У меня одно лекарство,
остальное все тщета,
Молодых людей поддержка
и людская доброта.
Сотню раз, никак не меньше,
я потом благодарил
Те, чье ласковое слово
для меня источник сил.
Старость с юностью столкнулись
на озерном берегу,
Там, где волны,
словно грива жеребенка на бегу.

ВЫСОКОГОРНЫЕ ПАСТБИЩА

Долины меж хребтов —
Трава вблизи снегов! —
Всегда люблю я вас — и летом и зимой,
Озера — глубоки,
Блестят, как ледники,
И радуют мой глаз и летом и зимой.

Хоть высоки хребты —
Не сохнут там цветы.
Как много чудных свойств у милых гордых
гор!

В любые холода
Пасутся там стада.
А девушки верхом летят во весь опор!

Тут ходят табуны.
Тут сильные пужны.
А кто в мороз дрожит — тому здесь места
нет.

Хоть воеет ураган —
Шагаем по снегам
И дружеским теплом любой из нас согрет.

Весной у нас цветы
Смеются с высоты,
Они стремятся вверх и пробивают снег.
Щебечут родники,
Сверкают ледники,
И счастья огоньки горят в глазах у всех.

Холодные ручьи
И пастбища мои,
Которые лежат в соседстве с белым
льдом, —

Земля навек моя,
Родимые края —
Наследство от отцов, все это — отчий дом.

Нам бури не страшны,
Мы с бурями дружны.
Нам горы по душе — в них дышится
легко...

Опять гремят ветра.
А жизнь течет, мудра.
С высоких снежных гор мы видим далеко.

1972

СОДЕРЖАНИЕ

О себе	5
«Презираю слова...» <i>Перевод М. Ронкина</i> . . .	19

СТИХОТВОРЕНИЯ

Дорога на Памир. <i>Перевод С. Липкина</i> . . .	23
Письмо в аил. <i>Перевод В. Винникова</i> . . .	26
Россия. <i>Перевод В. Винникова</i>	28
Костер дружбы. <i>Перевод С. Фиксина</i> . . .	31
Серебристый тополь. <i>Перевод С. Липкина</i> . .	34
Арча. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	41
Я пою о тебе, Иссык-Куль. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	43
Лирика. <i>Перевод Я. Смелякова</i>	45
Киргизстан. <i>Перевод М. Ронкина</i>	46
Легенда о Ленине. <i>Перевод Ю. Смышляева</i> . .	48
Родная земля. <i>Перевод С. Липкина</i>	50

Любовь. Перевод И. Волобуевой	53
Русскому сердцу. Перевод Ю. Смышляева	55
Большой Нарын. Перевод М. Ватагина	57
«Никто не находил на свалке славу...» Перевод А. Поперечного	65
С Россией. Перевод М. Ронкина	66
Портрет на скале. Перевод М. Ватагина	68
Гора Манаса. Перевод М. Ватагина	71
Белые облака. Перевод М. Ронкина	78
Уч-Эмчек. Перевод М. Ронкина	80
Дума о Москве. Перевод М. Ронкина	84
«Когда пылала в сердце кровь...» Перевод И. Волобуевой	86
По главной улице. Перевод М. Ронкина	87
Узбечка. Перевод М. Ватагина	90
Горы. Перевод М. Ронкина	95
Ленинградские воспоминания. Перевод М. Ватагина	98
С кем тебя сравнить? Перевод М. Ватагина	113
Приглашение в Киргизстан. Перевод М. Ронкина	115
Кайрак-Кум. Перевод М. Ронкина	121
Песня девушки. Перевод М. Ватагина	123
В Кулунду. Перевод М. Ронкина	126
Баткен. Перевод М. Ронкина	131
Когда читаю то, что написал поэт. Перевод М. Ватагина	134
Песня. Перевод М. Ронкина	136
В родных местах. Перевод М. Ронкина	138
Юной поэтессе. Перевод М. Ватагина	141

Утро. Перевод С. Липкина	143
Первая школа. Перевод М. Ватагина	146
Джайлоо. Перевод М. Ватагина	149
Из горной тетради.	
Озеро Сон-Куль. Перевод Т. Стрешневой	152
Душа киргиза. Перевод Т. Стрешневой	155
Земля, на которой родился акын Калык. Перевод Т. Стрешневой	157
Ростки картофеля. Перевод Т. Стрешневой	160
Доброе слово. Перевод Т. Стрешневой	164
Высокогорные *пастбища. Перевод М. Вата- гина	169

Маликов Кубанычбек.

М 19 Стихотворения. Пер. с кирг. М.,
«Худож. лит.», 1975.

176 с. (Б-ка советской поэзии)

В настоящем сборнике представлены лучшие, наиболее значительные стихотворения народного поэта Киргизии Кубанычбека Маликова. Его творчество отличаются интерес к остросовременной тематике, общественная активность и действенность. Поэт ярко описывает родную природу, стихи его проникнуты раздумьями о судьбе своего народа, о новой, светлой жизни. Многие произведения К. Маликова посвящены Коммунистической партии Советского Союза и ее вождю — В. И. Ленину.

М $\frac{70403-259}{028(01)-75}$ 136-75

С (Кирг) 2

Кубанычбек Маликов
СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор *Г. Фальк*
Художественный редактор
В. Горячев
Технический редактор
Л. Витушкина
Корректор
И. Тереховская

Сдано в набор 27/XII 1974 г. Подписано
в печать 20/V 1975 г. Бумага типографская
№ 1. Формат 84×108¹/₆₄. 2,75 печ. л. 4,62
усл. печ. л. 3,996+1 вкл.=4,036 уч.-изд. л.
Тираж 10 000 экз. Заказ 111. Цена 52 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 5 Союзполи-
графпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли.
Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.